

ИСКУССТВО

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Отрывок из романа «ПЕТРОГРАД — БРЕСТ»

Иван ШАМЯКИН

Б ОГУНОВИЧ верил в судьбу, поэтому ему было глубоко взволновано, что ему выпало охранять съезд, который ратифицирует мирный договор. Еще вчера, получив это задание, он взволновался при мысли, что, охраняя съезд от провокаций контрреволюции, он будет охранять Ленина. Долго не засыпал ночью, представляя Ленина. Ах, если бы его поставили на самый главный пост! Был немного разочарован, получив утром такое прозаическое задание — ходить среди делегатов, следить и действовать только в случае провокации.

Снова он думал о мире. А еще думал, как бы найти возможность послать весточку в Минск, отцу, матери, Леле, что он жив, учится на командира той армии, с которой в скором времени — верил в это! — придет освобождать их во главе роты или полка, чин не имел значения. Никогда он не хвастал, не в его натуре, но выпадет возможность написать, и он, наверное, хотя бы намеком сообщит родным, что охранял Ленина.

Богунович заглянул в буфет. У пустых стоков было так же многолюдно, как когда-то в антрактах. Но тогда ели и пили, а теперь спорили или говорили о вине, о севе. Эти — по выговору слышно, с Дона, где сев, возможно, уже начался.

В дальнем углу какой-то «интеллигент» доказывал крестьянам, что мирный договор — кабала, что контрибуция разорит крестьянство. Бородатые дядьки, один обутый в лапти, слушали молча, почтительно.

Богунович подумал: агитирует, гад, против мира! Что делать в таком случае ему? А если это и есть контрреволюционер, пролезший сюда в целях провокации? Но им было сказано: в политические дискуссии не вступать. Для него военная дисциплина — закон. Однако не выдержал — зло спросил у «интеллигента»:

— А вы, господин, воевали?

«Интеллигент» возмутился:

— Я вам не господин! Я член ЦК левых эсеров...

— Оно и видно, — уже добродушно, без злобы, ответил Сергей и засмеялся. За ним засмеялись почтительные крестьяне. Член ЦК бросился в сторону, застыв:

— Боже мой! Боже мой! Эти люди не понимают, на что идут.

Снова прошел по фойе в сторону сцены, где дежурили двое чекистов, с ними его познакомили. И тут его внимание привлекла группа людей. Их было трое, они стояли у двери, которая вела на сцену. Собственно говоря, его бдительность возбудил офицер в форме капитана французской армии. «А этот как попал сюда?»

Никто не говорил, что на съезде могут быть иностранцы. Рядом с капитаном стоял высокий человек в полинявшей шубе, тоже по виду и одежде не русский.

Спирной к Богуновичу стоял невысокий коренастый человек в кепке, в осеннем пальто с плюшевым воротничком.

Богунович слышал, как он сказал по-французски, чуть грасируя:

— Нет. Я не боюсь. Я не скрываю: на партийном съезде была более серьезная оппозиция, однако две трети делегатов съезда проголосовали за мир. Сейчас я поднимаюсь на трибуну — и мирный договор будет ратифицирован. Можете, господа, писать депешу господам Вильсону и Клемансо. Для них это будет горькая пилюля.

Человек в шубе засмеялся и что-то сказал по-английски, человек в пальто тоже ответил ему по-английски.

Богунович, услышав такой разговор, не мог не подойти ближе. Кто так уверенно говорит?

В этот момент человек в пальто ступил в сторону, повернулся, и Богунович не сразу поверил своим глазам: Ленин! Неужели Ленин? Да он же! Он! Все такой же, как на портретах... лоб, борода... Да и выговор слов... Сергей был и счастлив и растерян. Произошло то, о

чем он мечтал в бессонную ночь: он рядом с Лениным! Ленин ходит так просто по фойе? Беседует с какими-то иностранцами? Что же в такой ситуации делать ему? Нужно же охранять съезд, Ленина. Как охранять? Как мало им дали инструкций!

А Ленин между тем снова сказал по-французски:

— Только такие интеллигенты, оторванные от народа, как наши «левые», могут не видеть, что рабочие, крестьяне, солдаты... бывшие солдаты — их на съезде большинство — все за мир. Один из наших левых сказал: «Ленин отдает пространство, чтобы выиграть время». Это единственно умное, что сказали фразеры. Да, мы отступаем, чтобы выиграть время, ибо мы не сомневаемся: оно работает на нас.

Ленин повернулся, как бы ища кого-то глазами, и вдруг обратился к Богуновичу:

— Вот вы, товарищ...

— Я? — растерялся Сергей, оглянувшись: кто за ним?

— Вы, вы. Вы воевали? — спросил Ленин.

Сергей ответил по-французски: пусть слышит офицер союзной армии.

— С осени четырнадцатого и до...

— Вы — офицер? — Ленин спросил по-русски без удивления, спокойно: удивились иностранцы, это было видно по выражению их лиц.

— Командовал ротой. После революции меня выбрали командиром полка. Мой полк разгромлен восемнадцатого февраля...

— Значит, вы — за мир? — по-французски спросил Ленин.

— Слишком много, товарищ Ленин, я похоронил дорогих мне людей, чтобы быть за войну. Мне казалось, я утопаю в крови... Мы, фронтовики, захлебывались...

Ленин склонил голову, как в минуту печали, помолчал, молча своим высказывая сочувствие.

Сергею вспомнилось пережитое, и спазм сжал сердце, горло. Испугался, если Ленин спросит о тех, кого он похоронил, он не сможет ответить. Слезы — не позор. И, однако, не к лицу ему, боевому офицеру, перед... нет, не перед Лениным, Ленин поймет! — перед иностранцами выявлять свою слабость.

Да, Ленин словно почувствовал его состояние, может, прочитал в глазах, всматриваясь внимательно, ласково. Сказал иностранцам:

— Вот вам ответ, господин Робинс, гражданин Садуль, от имени интеллигенции... офицеров, которыми нас, большевиков, пугают... передовых офицеров... народных... и повернулся к Богуновичу, протянул руку, сказал по-русски: — Спасибо вам, товарищ, за поддержку в моем споре с оппонентами. Очень важно иметь ваш голос за мир.

Капитан Садуль пригласил Богуновича, сесть с ними в ложу.

— Можете нам с переводом. С нашим знанием русского языка нам невозможно будет понять все нюансы политической дискуссии.

Сергей на мгновение растерялся: имеет ли он право принять такое приглашение? Потом решил, что из логики он будет хорошо видеть весь партер, наблюдать за делегатами, тем более, что как раз под этой ложей сядут противники Ленина — эсеры, меньшевики.

После ленинской благодарности, пожатия руки Богунович был особенно взволнован, но, как часто в последнее время, минуты душевного взлета затуманивались грустью.

Зал взорвался овацией на предложение Свердлова выбрать Ленина почетным председателем съезда. Люди поднялись в одном порыве, приветствуя вождя. Капиталист Робинс и социалист Садуль тоже встали и громко аплодировали.

Богунович в душе поблагодарил иностранцев: даже если они сделали это из вежливости, все равно хорошо.

Доклад Ленина захватил с первых минут. Богунович слушал, затаив дыха-

ние. Садуль, увидев, с какой жадностью он слушает, не обращался за переводом. Правда, в каком-то мгновение у Сергея появилось опасение: а не слишком ли углубленно? Поймут ли его рабочие, неграмотные крестьяне?

Всмотрелся в лица делегатов. Да нет, ни на одном нет тени непонимания, все слушают так же, как он.

Глубоко, по-философски глубоко, но в то же время на удивление просто, искренне, до безжалостности честно и открыто:

— Мне кажется, что главным источником разногласий в среде советских партий по данному вопросу является именно то, что некоторые слишком поддаются чувству законного и справедливого негодования по поводу поражения Советской республики, слишком поддаются иногда отчаянию и, вместо того, чтобы учесть исторические условия развития революции, как они сложились перед настоящим миром и как они рисуются нам после мира, вместо этого пытаются ответить относительно тактики революции на основании непосредственного чувства...

Так мог сказать только человек, который знает и понимает своих оппонентов.

Периоды революции, их удивительно точные характеристики: триумфальное шествие... поражение... Ничего подобного по истории революции, в которой сам участвовал, Богунович до этого не читал, не слышал.

А Ленин продолжал:

— И опыт истории говорит нам, что всегда, во всех революциях, — в течение такого периода, когда революция переживала крутой перелом и переход от быстрых побед к периоду тяжелых поражений, — наступал период псевдо-революционной фразы, всегда приносившей величайший вред развитию революции.

— ...Надо уметь понять, что, лишь принимая во внимание изменения соотношений классовых связей одного государства с другим, можно установить заведомо, что мы не в состоянии принять бой сейчас; мы должны считаться с этим, сказать себе: какова бы ни была передышка, как бы ни был непрочен, как бы ни был короток, тяжел и унижен мир, он лучше, чем война, ибо он дает возможность вздохнуть народным массам...

— Как это правильно! — вырвалось у Богуновича.

Садуль перевел его возглас на французский — для Робинса. Тот загадочно улыбнулся и спросил:

— Вы большевик?

— Нет, я беспартийный.

— Много в русской армии таких офицеров?

— Той армии, которую вы имеете в виду, уже нет... Но я хочу быть офицером новой армии.

Садуль удивленно протянул:

— О!

Но и ему, как и Богуновичу, не хотелось пропустить ничего из ленинского доклада.

Они стали снова вслушиваться в голос, заполнявший огромный зал, в голос, как будто внешне спокойный, но непомерно богатый на оттенки, на внутренний пафос и естественный.

— Да, наш народ должен вынести тяжчайшую ношу, которую он взвалил на себя, но народ, сумевший создать Советскую власть, не может погибнуть.

И такая была сила, такая уверенность в этом «не может погибнуть», что Богунович вдруг почувствовал совсем новому, не пережитую раньше, гордость за то, что у него есть право называть себя сыном этого народа, — такую радость, от которой отхлынула волна его грусти.

Он был целиком в плену слов человека, стоявшего на трибуне. Он вдыхал эти слова, как лесной воздух. И думал о том, что дорога в Москву привела его к Ленину. Теперь он пойдет только по этой дороге. И это навсегда. На всю жизнь.

Перевела с белорусского Т. ШАМЯКИНА.